

ВЕСТНИК МГЛУ

Выпуск 541

Серия ЛИНГВИСТИКА

Lingua vita est

**Печатается по решению Ученого Совета
Московского государственного лингвистического
университета**

ПЛАН

дополнительного издания научной литературы на 2007 год,
раздел I, поз. 9
Год основания – 1940

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор *Т. А. Амирова* (отв. редактор)
доктор филол. наук, профессор *В. А. Пищальникова*
кандидат филол. наук, доцент *Г. В. Смирнова*
кандидат филол. наук, профессор *В. С. Страхова*

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор *Е. Г. Беляевская*
доктор филол. наук *Н. В. Васильева*

**Вестник МГЛУ. Вып. 541. Ч. 2. Языковое бытие человека и
этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия
Лингвистика. – М.: МГЛУ, 2007. – 200 с.**

ISBN–5–902886–04–4

Сборник содержит научные статьи, относящиеся к разным направлениям и разделам современной лингвистики. Он подготовлен по материалам Международной школы-семинара «Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты», (17–22 февраля 2007 г.) и потому в известной степени отражает реальную картину исследования определенных проблем языковедения в разных регионах России. В сборнике представлены статьи по методологии лингвистических исследований, переводу и переводоведению, психолингвистике и этнопсихолингвистике, когнитивной лингвистике, исследующие различные проблемы языкоznания в теоретическом и экспериментальном аспектах. Сборник предназначается для широкого круга лингвистов

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Н. В. Психолингвистические особенности процессов речевосприятия и речепорождения в синхронном переводе	3
Борисова Л. В. Особенности интегративного подхода к анализу художественного текста	9
Бутакова Л. О., Миронова Н. Ю. Тексты СМИ в аспекте рецепции авторами	13
Галкина Т. Г. Анализ «полюса слова» художественных образов (на материале рассказов В. В. Набокова)	32
Голикова Т. А. Сравнительная характеристика алтайского и русского эмоциональных концептов <i>чугул/ачын-</i> и <i>гнев/возмущение</i>	36
Гуц Е. Н. Некодифицированная лексика в ассоциативно-вербальной сети подростка: системная организация	51
Десятова М. Ю. Речевое поведение как объект изучения	57
Заречнева Е. Н. Концептуальный анализ в лингвистической концептологии	61
Заячковская О. О. Концептуальная метонимия <i>change of body temperature stands for emotion</i> как один из аспектов концептуализации эмоций	66
Игнатова Е. М. Шрифт и идеология: о готическом шрифте в Третьем рейхе	72
Исупова М. М. Национально-культурный фактор и когнитивное моделирование	77
Катермина В. В. Из опыта составления коннотативного словаря русских и английских личных имен собственных	82
Кибизова С. Б. Неологизмы в языке шоу-бизнеса: классификация и функционирование	87
Кинцель А. В. Языковое сознание и речевая деятельность человека (проблема соотношения)	92
Клюканов И. Э. Признание коммуникативистики	100
Корюкина Н. В. Прецедентность комических ситуаций в текстах С. Довлатова: проблема межкультурной транслируемости	114
Кряхтунова О. В. Функциональный потенциал концепта «справедливость»	120
Лобанова Ю. С. Роль пространственных прилагательных в	

Формирование личинного образа мира	124
Мастюкова И. Е. Английские имена существительного в приблизительных словосочетаниях типа <i>N + N</i> современного английского языка	131
Мигранова Н. Х. Экспериментальное исследование гендерных стереотипов в научном тексте	140
Нагайцева Е. Н. О специфике формы существования верbalного символа (на материале поэтического текста)	148
Нестерова Н. М., Пондесса Е. В. Об опыте использования методики «think-aloud protocol» при изучении процесса принятия периодического решения	155
Петрова Е. Ю. Что в имени тебе моем? (анализ результатов ассоциативного эксперимента на примере желтого и оранжевого цветообозначений)	164
Пищальникова В. А., Тадипова Р. А. Национально- культурная специфика приветствий (на материале туркско-монгольских и кавказских языков)	170
Сироткина Т. А. Диалекты как материал для этнолингвистики	180
Утробина Т. Г., Черепанова И. Н. О роли иностранного языка в создании профессиональной концептосферы у студентов ССУЗов	186
Шелковников А. Ю. Методологические возможности концептивизма	188
Содержание	198

Н. М. Нестерова, Е. В. Поздеева

ОБ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДИКИ «THINK-ALOUD PROTOCOLS» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

В 1967 г. увидела свет работа Иржи Левого «Translation as a Decision Process» [1], где перевод был представлен как процесс принятия решений, которые принимаются последовательно, подобно ходам в игре. Одно решение обусловливает другое, последующее следует из предыдущего, новое решение корректирует старое. Согласно правилам «игры», первый ход – это определение класса возможных альтернатив. Второй – выбор из возможных альтернатив. Представление перевода как процесса принятия решения подтверждается практикой и никем не оспаривается. Не оспаривается и утверждение, что задача исследования перевода относится к числу так называемых задач «черного ящика», где на входе имеется высказывание на исходном языке, на выходе – на языке перевода. Сам же процесс перехода $T_1 \rightarrow T_2$ остается недоступным для непосредственного наблюдения, его можно исследовать только косвенными методами.

К таким косвенным методам относится интроспекция, т. е. интервьюирование переводчиков с целью узнать, что и как они делают¹. Однако ответы переводчиков, конечно, не отражают полной и объективной картины процесса. Переводчик во многом действует интуитивно и нередко оказывается неспособен объяснить и логически обосновать, почему он поступает так, а не иначе. Считается, что более объективные данные о процессе перевода позволяет получить метод «think-aloud protocols» («думай вслух»). Суть данной методики заключается в следующем: испытуемым предлагается текст для перевода. При этом их просят проговаривать вслух все то, что «приходит им в голову» в процессе работы. Их «озвученные» мысли записываются на магнитофон или диктофон (в идеале лучше всего использовать видеозапись, чтобы иметь возможность наблюдать и невербальное поведение испытуемых). В дальнейшем эти записи подвергаются тщательному анализу. Такая процедура анализа, как отмечает В. Н. Комиссаров, позволяет получить сведения о трех важных аспектах переводческого процесса. Во-первых, выявляются различные типы переводческих трудностей как при понимании оригинала, так и при выборе варианта перевода. Во-вторых, определяется общая стратегия переводчика: последовательность его действий, методы работы со словарем, использование дословности и пр. В-третьих, удается обнаружить некоторые принципы, которыми руководствуется переводчик при выборе окончательного варианта перевода. «Все это представляет несомненный интерес, и такой метод служит ценным инструментом изучения переводческого процесса», – делает вывод ученый [2. С.155–156].

В своем исследовании принятия переводческого решения мы и обратились к данной методике. Эта методика, как считает выдающийся отечественный психолог А. Н. Соколов, сам ~~с~~ использовавший еще в 1947 г., позволяет создать такие условия,

¹ О том, насколько важно ответить на эти вопросы, писал еще в 1956 г. английский лингвист Джон Р. Фёрс: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы, как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, что мы переводим? Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [3. С.35].

при которых процессы восприятия и понимания оказываются несколько замедленными и в силу этого «расчлененными в своем протекании» [4. С.165]. Нельзя, разумеется, абсолютизировать «thinking-aloud protocols» и рассматривать эту методику как прямое, непосредственное отражение мыслительных процессов. Полученные при этом результаты, скорее, следует рассматривать как некоторые данные, связанные каким-то образом с речемыслительной деятельностью человека.

Об использовании методики записей мыслей вслух при исследовании процесса перевода говорит и Г. Тури. В частности, он считает, что «this method allows particular analyses of the levels, steps, units of processing, the role and the interaction of the source and target language, ... the origin and the source of search processes, and the time used for this processes» [5. С.234] («Этот метод позволяет тщательно проанализировать уровни этапы и единицы процесса обработки текста, единицы, подвергающиеся обработке, роль и взаимодействие языка оригинала и перевода, ... причины, заставляющие искать переводческое решение, и время, затраченное на эти поиски». – Здесь и далее перевод наш. – Н. Н., Е. П.).

В изучении процессов восприятия и понимания большое значение имеет материал, на котором проводится исследование. В частности, А. Н. Соколов отмечал, что условия, при которых процесс становится более или менее «уловимым», создаются при столкновении с каким-либо «непонятным или малопонятным материалом» [4. С.165]. В нашем исследовании таким материалом явились окказиональные слова, которые как раз отвечают критериям «непонятности/малопонятности». Очевидно, что, будучи «авторскими», они являются неизвестными для остальных носителей языка и тем более для носителей другого языка.

Проведенный нами эксперимент заключался в следующем: испытуемым (студентам гуманитарного факультета Пермского государственного технического университета, владеющим английским языком) предлагался ряд текстов на английском языке, содержащих окказиональные слова (в предъявляемых текстах они были выделены). Таким образом, окказионализмы давались в контексте, достаточном для понимания данных слов.

Испытуемым в устной форме предлагалось задание: «Перед Вами тексты, в которых отмечены отдельные слова. Ваша задача перевести данные слова на русский язык. При этом Вы должны «думать вслух», т. е. вслух описывать свой процесс перевода и высказывать любые свои мысли, какими бы абсурдными они Вам ни казались». При записи мыслей испытуемых использовались диктофоны. В качестве примера рассмотрим текст, который представил наибольшую трудность и для понимания, и для перевода. Текст принадлежит Е. Е. Камингсу, американскому поэту-модернисту, который однажды сам себя назвал «an author of pictures, a draftsman of words». Это одно из самых известных стихотворений поэта «Busy monster», явившегося, по словам самого Камингса, «challenge to modern potentialities of human mind written just to tease the public – a kind of Mayakovsky's yellow shirt» (вызовом современным возможностям человеческого разума, написанным специально, чтобы подразнить публику, подобно желтой блузке Маяковского):

*pity this busy monster, manunkind,
not. Progress is a comfortable disease:
your victim (death and life safely beyond)
plays with the bigness of his littleness
– electrons deify one razorblade
into a mountainrange; lenses extend
unwish through curving wherewhen till unwish
returns on its unself.
A world of made
Is not a world of born – pity poor flesh
and trees, poor stars and stones, but never this
fine specimen of hypermagical
ultraomnipotence. We doctors know
a hopeless case if – listen: there's a hell
of a good universe next door; let's go.*

Ниже приводится дословный протокол записей «мыслей вслух» одной из испытуемых: «Начнем с первого предложения, «Pity this busy monster, manunkind, not». Предположим, слово *manunkind* происходит от слова *mankind* – человекоподобный, тогда слово *manunkind* будет человеконеподобный, т. е. нечеловечный. Да, пускай нечеловечный. Как перевести это предложение? «Нам не жалко ...» Не то, что бы «не жалко» ..

«нет ничего плохого в том, что существует этот монстр – бесчеловечность». Что-то в этом духе.

Второе. «Прогресс – это удобная болезнь. Ваша жертва ...» Death and life safely beyond ... Тот случай, когда слова понятны, а что значат – непонятно. «Смерть и жизнь жертвы в безопасности», что-то такое. «Ваша жертва играет с чем-то ... с огромным размером – bigness – своей малости». Как это сказать по-русски? Да! «Ее маленький размер необъятен». Электроны deify ... Где-то я слышала слово *deification*. Это что-то типа поклонения, идеализации. «Electrons deify one razorblade into a mountain range». Это, видимо, «электроны четко следуют одной ... орбите вращения». *Mountainrange*... Вообще здесь оно никак не должно соотноситься с циклом, кругом, но, по-видимому, значит именно это. «Электроны всегда вращаются по своей орбите, никогда от нее не отклоняясь».

Дальше. «Линзы увеличивают нежеланное, искажая до тех пор где-и-когда, пока это нежеланное не перестанет быть собой». Смысл, видимо, в том, что мы видим, что мы хотим видеть, и в результате это происходит до такой степени, что мы перестаем видеть то, что есть на самом деле. «Мир искусственного – это не мир рожденного. Бедная плоть и деревья, бедные звезды и камни, но никогда прекрасное создание...» *Hypermagical*... это как *magic*, только еще кручее. *Ultraomnipotence*... *Ultra* – это что-то *сверх*. *Omni* – сразу вспоминается слово *omnibus*, т. е. двухэтажный автобус. Может быть, что-то двойное, удвоенное? Тогда что у нас получается? «Создание со сверхъестественной раздвоенностью».

Дальше. «Мы, доктора, знаем ... что чертовски классный мир за соседней дверью. Давайте туда отправимся».

Протокол позволяет выделить следующие этапы понимания окказионального слова. Сначала строилась грамматическая гипотеза, основанная на расчленении окказиональных слов на знакомые компоненты и определения значения данных компонентов («слово *mankind* происходит от слова *mankind* – человекоподобный, тогда слово *mankind* будет человеконеподобный»). Затем выдвигалась смысловая гипотеза («нечеловечный»), которая далее приобретала вид варианта перевода данного окказионализма («бесчеловечность»). Заметим, что, хотя окказиональные слова и были расчленены

покомпонентно и переведены, это, как выяснилось, не всегда обеспечивало понимание.

Следует отметить, кроме того, что расчленение окказионального слова на составляющие компоненты не всегда эксплицировалось или эксплицировалось не полностью («Ваша жертва играет с чем-то ... с огромным размером – *bigness* – своей малости» или «*hypermagical*... это как *magic*, только еще круче»). Возможно, это происходило потому, что окказиональные слова, например, *hypermagical* или *bigness*, воспринимались как узуальные в силу некой привычности той типовой словообразовательной модели, по которой они были образованы. Следовательно, испытуемые (осознанно или неосознанно) не считали необходимым эксплицировать свою грамматическую гипотезу относительно значения данных окказионализмов.

Очевидно, что в данном случае у испытуемых возникали трудности и при обращении к контексту для проверки своих гипотез о значении того или иного окказионализма. Однако нельзя не заметить проявления действия так называемой «презумпции осмыслинности», о которой говорил В. Б. Касевич, – стремления индивида считать высказывание априорно осмыслиенным. Благодаря действию «презумпции осмыслинности» испытуемые пытались объяснить то, что было для них малопонятным и/или не соотносилось с их языковыми знаниями («*Mountainrange*... Вообще здесь оно никак не должно соотноситься с циклом, кругом, но, по-видимому, значит именно это. “Электроны всегда врачаются по своей орбите, никогда от нее не отклоняясь”»).

При выдвижении гипотез относительно значения окказиональных слов действовали и индивидуальные ассоциативные связи («*Omni* – сразу вспоминается слово *omnibus*, т. е. двухэтажный автобус. Может быть, что-то двойное, удвоенное? Тогда что у нас получается? “Создание со сверхъестественной раздвоенностью”»). Можно предположить, что они могли актуализироваться именно в силу малопонятности всего контекста в целом.

В результате испытуемыми были предложены следующие варианты перевода окказиональных слов текста:

Manunkind – безжалостный; бесчеловечество; бесчеловечность; нелюди; не похожий на человека; нечеловечный; подобие не человека; прикинувшийся человеком; человеконеподобный.

Bigness – большинство; величие; величина; все; значимость; множество; существительное от «big»; что-то огромного размера.

Littleness – маленькая жизнь; маленький размер; малость; меньшинство; небольшое количество; ничего; ничтожность; существительное от «little».

Razorblade – лезвие бритвы; опасная бритва.

Mountainrange – горный хребет; горная цепь; орбита вращения; размер гор; цепочка гор; цепь гор.

Unwish – нежелание; то, что мы не желаем видеть.

Wherewhen – время и пространство; где и когда; когда бы то ни было; покуда.

Unself – не сам; не свое; свой не исток; не я.

Hypermagical	–	гиперволшебный;	гипермагический;
сверхволшебный;		сверхъестественный;	сверхмагический;
суперволшебный.			

Ultraomnipotence – сверхважность; сверхвсемогущество; сверхмогущество; раздвоенность; сила; ультравсемогущество.

Нет необходимости приводить здесь все протокольные записи. Анализируя их, мы находим одни и те же принципы / способы понимания окказиональных слов. Проведенный эксперимент позволил сделать следующие выводы относительно процесса принятия переводческого решения в случае перевода окказиональных лексических единиц. Прежде всего нужно отметить, что в данном случае исключается мгновенное принятие решения, оно всегда требует интеллектуальных и временных затрат, это всегда «речевое действие», состоящее из нескольких этапов, первым из которых является понимание, представляющее собой многоступенчатый процесс и включающее в себя ряд основных моментов. Начальным моментом процесса понимания окказионального слова английского языка русским читателем являлось расчленение его на составляющие компоненты. При этом испытуемые исходили из предполагаемой словообразовательной модели, по которой было ображено данное окказиональное слово, поскольку они выделили компоненты, совпадающие со словообразовательными (корени, аффиксы). На данном этапе происходило осознание словообразовательной структуры слова.

Второй этап процесса понимания включал в себя построение грамматической гипотезы на основании знаний испытуемых о значениях словообразовательных компонентов слова. Затем строилась смысловая гипотеза, которая представляла собой вербализованное выражение значения окказионального слова. Чаще всего это была догадка о значении, в основе которой лежала выведенная ранее грамматическая гипотеза.

На следующем этапе смысловая гипотеза подвергалась верификации относительно контекста. Это был момент возникновения представления о содержании текста. На основании сформировавшихся установок о содержании текста и возникших в связи с этим ассоциаций происходило подтверждение или опровержение начальной смысловой гипотезы.

На последнем этапе шло объединение трех вышеупомянутых оттенков значения слова – грамматического, лексического и контекстуального. И только в результате такого скрупулезного анализа формы и семантики исходного окказионального слова рождался индивидуальный вариант перевода. Полученные нами данные позволяют также сделать вывод о проявлении творческого и стереотипного в процессе восприятия и перевода окказиональных слов. Эксперимент показал, что, как правило, варианты интерпретации и перевода окказиональных слов жестко задавались формой (например, *unwish* – нежелание). Пытаясь дать объяснение «новому», человек отталкивается от уже известного, в данном случае – от формы окказионализма, точнее, от той словообразовательной модели, по которой он был построен. Следует отметить, однако, что данное замечание касается, главным образом, окказиональных слов с «прозрачной», легко членимой структурой.

Представляется, что процесс принятия переводческого решения можно описать и в терминах синергетики. Как субъект действия переводчик испытывает на себе «силы притяжения» со стороны так называемых атTRACTоров – возможных вариантов толкований исходного слова и выбора соответствий в языке перевода. Момент выбора между атTRACTорами в синергии называется, как известно, бифуркацией, т. е. своего рода

«развилкой», и характеризуется обострением неустойчивости системы. Неустойчивость вызвана тем, что в этот момент происходит выявление одного из конечных состояний системы, к которому она склоняется в итоге. В переводе этому соответствует выявление одного (как наиболее точного или по каким-то причинам более предпочтительного) из увиденных переводчиком вариантов межъязыковых соответствий. При приближении к точке бифуркации возрастает роль стихийных возмущений в системе – флуктуации. Возрастает фактор случайности. Находясь в данной точке, переводчик балансирует на острие нестабильности, анализируя каждый атTRACTор. Окказиональное слово, как нам представляется, и есть такая точка бифуркации, о чем свидетельствуют полученные протоколы. Очень часто именно флуктуация оказывается определяющей в окончательном выборе атTRACTора, в случае перевода – это принятие переводческого решения, когда после мучительной балансировки вдруг случается «озарение» (смысловой скачок) и переводчик «попадает» в какую-то конкретную воронку, лунку, конус притяжения. (Особенно показательными из приведенных примеров являются окказионализм «ultraomnipotence» и предложение «electrons deify one razorblade into a mountainrange», где очевидны и переводческая «нестабильность», и «озарение»). Наступает некоторый период стабильности и определенности. Система самоорганизуется, т. к. начинает действовать принцип смыслового и верbalного подчинения в соответствии с принятым решением. Но эта определенность длится недолго – до следующей точки бифуркации. Однако постепенно заданность процесса перевода увеличивается, т. к. уже сама система – созданное переводчиком вербальное и смысловое поле – ограничивает выбор, уменьшает количество возможных бифуркаций и атTRACTоров. Другими словами, предстоящее состояние системы – рождающийся текст перевода – все больше и больше детерминирует процесс.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Levý J. Translation As a Decision Process // The Translation Studies Reader / Ed. by L.Venuti. London and New York, 2003. – Рр. 148–159.

2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курсы лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 189 с.
3. Фёрс Д. Р. Лингвистический анализ и перевод // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 25–35.
4. Соколов А. Н. Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 7. – М., 1947. – С. 163–190.
5. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. – Amsterdam. 1995.